

Е. С. Ессяк, Д. В. Спиридонов

ЧТО ТАКОЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА»? (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Вопрос о границе между «массовой» и «элитарной» (высокой) литературами, как известно, имеет дискуссионный статус. Теоретически ответ на него можно искать а) в признаках самих текстов (при этом допускается, что «элитарность» и «массовость» являются имманентными характеристиками литературных текстов); б) в культурных практиках, продуцирующих культурные коды, в которых различные тексты маркируются как «массовые» или «элитарные» (такова, например, стратегия структурной социологии литературы, исследующей проекции культурных кодов в организации культурного пространства); в) в системе взглядов производителей и потребителей литературной продукции (в этом контексте категории «массовое» и «элитарное» являются психологическими феноменами, производными от представлений субъекта о литературе, чтении, функциях культуры и проч. элементов метакультурной рефлексии).

Первая стратегия, в целом, кажется сегодня абсолютно бесперспективной (имманентный анализ полезен при изучении конкретных произведений, но полученные с его помощью выводы едва ли могут быть использованы для построения обобщающей теории массовой литературы). Второй путь доказал свою продуктивность, он активно разрабатывался целым рядом исследовательских групп и научных школ, работы которых составляют сегодня существенную часть фундамента современной социологии культуры, хотя в перспективе этих исследований вопрос о сущности массовой литературы разрабатывался все же несколько ограниченно: «массовое» носит в этих исследованиях негативный характер и определяется в основном как нечто противоположное «автономной» литературе (ср. логику автономии/гетерономии у Бурдьё) или авангарду (ср. работы П. Бергера и его школы), связанное с тем или иным, как правило, негативно оцениваемым социальным классом (этот марксистский атавизм хорошо различим все у того же Бурдьё и его последователей, ср. анализ «мелкобуржуазных» литературных вкусов в его книге [Bourdieu]). Феноменологический же подход к изучению категорий «массового» и «элитарного» в литературе представляется недооцененным и недоиспользованным.

1. Методологические замечания

1.1. Литература в контексте феноменологической социологии

Как известно, в феноменологической перспективе субъект определяется как носитель сознания, связывающего в единое когерентное целое все факты реальности, понимаемой как самоочевидное (интер)субъективное пространство повседневного опыта человека, описываемое в работах Альфреда Шюца как «жизненный мир» (*Life-World, Lebenswelt*): «Жизненный мир не является предметом размышлений, люди просто переживают его как очевидную реальность. Объективность вещей, действий, событий в мире повседневности – это *естественная установка* индивидуального сознания. Субъективные переживания, индивидуальный опыт объективируют язык, при помощи которого люди обозначают и определяют любые явления. В языке ситуации взаимодействия и их участники типизируются, то есть подводятся под привычные и понятные категории: “лекция”, “студент”, “преподаватель”; “магазин”, “покупатель”, “продавец”; “семья”, “родители”, “дети” и т. д. *Типизации* придают смысл любым, даже новым явлениям и тем самым встраивают их в жизненный мир в качестве знакомых и потому понятных и “само собой разумеющихся”» [Иванов, с. 31-32].

Эти кажущиеся естественными установки, составляющие каркас жизненного мира индивида, могут разделяться большим количеством людей. Общность этих установок (смыслов, которыми индивид наделяет те или иные свои переживания и элементы опыта) является предпосылкой всякого обыденного социального взаимодействия. Отсюда следует, что в социологической перспективе, т.е. в перспективе изучения взаимодействия многих индивидов, жизненный мир не является солипсистской реальностью индивидуального опыта. Это интересубъективная реальность, структурируемая на основе того, что феноменологическая социология именует «естественной установкой», или, другими словами, на основе допущения того, что подвластная сознанию социальная реальность является само собой разумеющейся и что само собой разумеющимся является тот факт, что я и другие люди имеем сходное представление об этой реальности: «В пределах естественной установки существование других людей и наличие у них психической жизни не проблематизируется и принимается, равно как и существование физических вещей, в качестве фундаментальной предпосылки. Мир естественной установки является не частным для индивида, но интересубъективным миром, разделяемым с другими, – миром повседневной жизни. Именно благодаря наличию общей структуры мира повседневной жизни личная биография человека кристаллизуется в на-

бор типизированных жизненных ситуаций и схем опыта, обладающих открытым горизонтом сходных будущих переживаний. Поэтому императив непрерывности повседневной жизни, обеспечивающий устойчивость базовых структур понимания в жизненном мире, оказывается основным требованием социальной экологии» [Смирнова, с. 138].

Такая концептуализация социальной сферы определяет специфику литературы как социального явления¹.

Прежде всего, следует сказать, что в этой теоретической перспективе литература обладает двойственным статусом. С одной стороны, она должна пониматься как одна из сфер практического действия, т.е. область «жизненного мира», которая а) должна быть более или менее когерентна другим областям этого «жизненного мира»²; б) должна быть типизирована в указанном выше смысле. В этом отношении литература вписывается в пространство практического действия субъекта, конституируя своего рода поведенческие сценарии, которые можно описать как множество действий (подобно тому, как сюжет можно рассматривать как набор мотивов или «повествовательных функций»): выбор книги, ее приобретение, чтение, дальнейшее обсуждение со знакомыми (возможность влиять на их выбор этой книги), приобретение другой книги данного автора (или отказ от покупок книг данного автора в дальнейшем) и т.д. Понятно, что каждое из этих действий имеет множество конкретных вариантов, реализация которых в значительной мере детерминирована характером и функциональным заданием избираемого произведения, т.е., другими словами, тем, как чтение вписано в «жизненный мир» читателя. Эти поведенческие сценарии составляют то, что можно назвать *этосом чтения* – поведенческой установкой субъекта в отношении чтения. Этос чтения проще всего описывать, рассматривая *соматические функции* чтения, т.е. то, как книга вписана в телесный опыт читателя («чтение перед сном», «чтение в дороге» и проч., см. об этом [Спиридонов]), поскольку в этом случае качественные характеристики книги почти полностью определяются ее способностью выполнять соответствующую функцию. Например, покупка книги в дорогу («чтобы скоротать время») может быть совершена непосредственно на вокзале или в аэропорту, при этом для читателя, скорее всего, будут существенны лишь такие характеристики книги, как ее жанр, объем и цена, читатель в этом случае не очень щепетилен в своем выборе, редко ориентируется на стороннее мнение, а акт чтения, как правило, не имплицитно включает каких-либо последующих действий с этой книгой (обсуждение книги, ее рецензирование, рекомендация другому лицу и проч.). В этом случае мотивации

субъекта вполне прозрачны для исследования, и «этологическое исследование» чтения может оставаться вполне бихевиористским.

Сложнее те случаи, когда для читательского поведения становятся критичными эстетические характеристики произведения, т.е. когда это чтение не может быть реконструировано по одним только внешним обстоятельствам. В этом случае в феноменологической перспективе существенны два момента.

Во-первых, тот факт, что всякое произведение является своего рода виртуальной реальностью, а чтение, соответственно, пространством столкновения с этой реальностью, которому, как известно, свойственно множество разнообразных эффектов (идентификация читателя с героем, установление эмпатической связи с персонажем, интеллектуальные инсайты и проч.). Во-вторых, тот факт, что, наряду с качественными характеристиками этой виртуальной реальности, существенной становится и вписанность этих «экскурсий» в реальность художественных текстов, в настоящую реальность повседневности. Первый момент связан с тем, что литература составляет одну из тех «конечных областей значений», о которых рассуждают П. Бергер и Т. Лукман: «По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии» [Бергер, Лукман, с. 47]. Эти виртуальные реальности включены в повседневную реальность хотя бы потому, что требуют перевода на язык повседневности: «Обычный язык, объективирующий мой опыт, укоренен в повседневной жизни и сохраняет с ней связь, даже если я пользуюсь языком для интерпретации опыта в конечных областях значений. Поэтому обычно я “искажаю” реальность последних, как только начинаю пользоваться языком для их интерпретации, т.е. я “перевожу” неповседневный опыт в высшую реальность повседневной жизни. Это хорошо видно на примере сновидений, а также характерно для тех, кто пытается описать теоретический, эстетический и религиозный миры значений. Физик-теоретик говорит нам, что его концепция пространства невыразима на разговорном языке, так же, как артист говорит то же самое о смысле его произведений, а мистик – о встрече с божественным. Однако все они – сновидец, физик, артист и мистик – живут также и в реальности повседневной жизни. Одной из важнейших проблем для них оказывается то, как интерпретировать сосуществование этой реальности с другими, вкрапленными в нее реальностями» [Там же, с. 48].

1.2. «Массовое» и «элитарное» как единицы языка повседневности

Говоря о литературе, литературовед и обычный читатель будут, вероятно, говорить на разных языках, первый, скорее всего, едва ли будет стремиться перевести свое знание о литературе на язык повседневности, тогда как второй просто не обладает никаким другим языком для того, чтобы выразить свой опыт. Его знание о мире виртуальной реальности литературного произведения, его индивидуальных и типологических характеристиках выражается языком повседневности, обыденным языком, и, в конечном счете, только это обыденное понимание, редуцированное к обыденному же языку, которым оно выражается, существенно для анализа того, как литература встроена в жизненный мир субъекта.

Проблема языка — одна из труднейших проблем организации опросных исследования в области социологии чтения. Многочисленные анкетирования, в которых респондентов спрашивают, читают ли они «детективы», «мелодрамы» или «интеллектуальные романы», предлагают респонденту формулировки, в которых используются жанровые имена, обладающие разным значением в специальном метаязыке литературоведческой науки и языке повседневности, на котором мыслит обычный читатель, из-за чего полученный количественный результат и сделанные на его основе выводы могут оказаться неадекватными. Скажем, для литературоведа термин «мелодрама», применительно к прозаическому произведению, не является общепринятым, используя его в анкете, исследователь стремится подобрать термин обыденного языка для того, чтобы поименовать определенный жанр литературы. Но такие термины обыденного языка не имеют строго определенного значения, из-за чего исследователь не может ручаться, что он и респондент имеют в виду одни и те же типы текстов. Кроме того, у таких слов сильны разного рода культурные коннотации, которыми ученый, терминологизирующий соответствующую лексическую единицу, может пренебречь, но которыми не может пренебречь обыватель. Всякому ли читателю мелодрам хочется мыслить себя «читателем мелодрам» со всем комплексом коннотаций, которые свойственны этому слову в его обыденном употреблении? Всегда ли отметит он этот жанр в числе своих любимых?³

Итак, не только индивидуальные параметры виртуальной реальности конкретного текста, но и типологические характеристики литературных произведений, столь существенные в социологическом исследовании, именуются терминами обыденного языка. Термины «массовое» и «элитарное» («высокое» и проч.) относятся к их числу. Иначе

говоря, в перспективе избранной нами методологии вопрос о границе между «массовым» и «элитарным» – это вопрос не о качестве тех или иных текстов, а о семантике соответствующих терминов языка повседневности. Когда литературоведы спорят о границах «массовости», они могут иметь в виду некие конвенциональные критерии, в соответствии с которыми можно было бы разделять всю литературную продукцию на два класса или с большим или меньшим основанием относить их к той или иной границе шкалы. Для обывателя «массовое» также является термином, но не конвенциональным, а естественным, термином «общего» наивного языка. Это не означает, что у всех неспециалистов будет сходное понимание «массовости» или что они смогут предъявить готовые дефиниции (напомним мысль Щюца о том, что элементы повседневного знания оказываются отрефлексированы, т.е. становятся элементами когерентного знания, лишь в той мере, в какой они наделяются практическим смыслом), однако те из них, для кого литература членится на таксоны и для кого это членение является практически релевантным, конечно, наделяют этот термин каким-то смыслом, причем наивно считают этот смысл «общим», т.е. разделяемым теми многими другими, с которыми они «делают» свой «жизненный мир».

В этой формулировке важно прояснить тезис о том, что членение литературы является «практически релевантным» и что таксономический термин «наделяется смыслом».

Практическая релевантность той или иной таксономии определяется необходимостью проводить соответствующую границу для решения практических задач. Скажем, для туриста, любующегося лесными красотами, все лесные птицы могут составлять один таксон – «птицы». Однако если я охотник, то для меня существенно различать виды птиц (и соответственно, уметь выражать это знание в терминах обыденного языка). То же и с литературой. Если я читаю только утреннюю газету, то для меня различие между массовой и элитарной литературой, очевидно, иррелевантно. Если же я отношу себя к читателям какой-то из разновидностей литературы (например, «настоящей» литературы в противоположность «массовой» или «массовой» литературы в противоположность ханжеству и снобизму «интеллектуальной») и, следовательно, занимаю более-менее не нейтральную позицию в среде потребителей литературной продукции, эта граница, разумеется, будет для меня важна. Обратим внимание на тот факт, что подобно тому, как охота может быть описана как совокупность поведенческих стереотипов, регулируемых, среди прочего, знанием о разновидностях птиц, чтение также можно мыслить как набор поведенческих установок и

принципов, опирающихся на соответствующий способ членения литературы как фрагмента повседневной реальности, – в этом смысле язык повседневности является одним из компонентов этоса чтения, благодаря которому читаемое членится на виды и, что важно, оценивается. Отличие от естественных таксономий, типа классификации животных, заключается в том, что классификации символических объектов являются произвольными, недетерминированными естественными характеристиками классифицируемых объектов, что, впрочем, делает их особенно интересным предметом социологического исследования.

Наделение же смыслом того или иного таксона означает, что субъект не просто тем или иным образом разделяет литературу, например, на «массовую» и «элитарную», но что вместе с этим разделением он принимает определенный семантический код, один из уже существующих вариантов обыденного языка, в котором искомая граница проводится каким-то одним из нескольких возможных способов и благодаря которому субъект устанавливает связь с определенной социальной группой. Таким образом, каждый такой семантический код соответствует определенному этосу чтения, способу поведения или акциональному коду, характерному для той или иной социальной группы, с которой субъект ассоциирован по данному параметру. Это объясняется также и тем, что символические классификации не навязываются нам природой (в отличие от естественных таксономий) и не являются врожденными (типа априорных категорий у кантианцев), но приобретаются в ходе социального взаимодействия, сложных процессов символических инклюзий и эксклюзий, через которые все мы проходим в течение жизни, и, следовательно, входе приобщения к языку сообщества, жизненный мир которого мы разделяем. Если субъект приписывает, например, «интеллектуальной литературе» те или иные признаки, признавая при этом себя читателем такой литературы, то происходит это еще и от того, что реализуемая в такой практике модель чтения связана с тем образом «интеллектуального», которое навязано субъекту извне.

2. «Интеллектуальная проза» как термин языка повседневности

2.1. Параметры исследования

Одной из особенностей терминов обыденного языка, называющих элементы символических таксономий, является тот факт, что они не являются, в отличие от научных терминов, конвенциональными и, следовательно, интерпретируются буквально: «массовая литература» значит «литература для масс», «интеллектуальная проза» значит «ли-

тература, обладающая особым интеллектуальным качеством, требующая интеллектуальных усилий» и т.п. Называя тот или иной тип литературы, субъект выбирает для него то название, которое отражает, по его мнению, сущность соответствующего типа явлений (это можно назвать «принципом ономаσιологической прозрачности»). Это приводит к тому, что существуют сразу несколько терминов, обозначающие примерно равные по содержанию понятия, причем соотношение этих терминов в лексиконе обывденного языка для самого субъекта обычно не проблематизируется.

В рамках исследовательского проекта «Восприятие инокультурного текста русскоязычным читателем (на примере произведений массовой литературы)», реализуемого кафедрой зарубежной литературы Уральского федерального университета, мы исследовали понятие «интеллектуальная проза» (на материале зарубежной литературы, поскольку одной из задач проекта было изучение рецепции инокультурных произведений), прежде всего, в контексте дихотомии «высокое – массовое» (например, может ли «массовая» литература быть «интеллектуальной?»), а также еще более проблематичных понятий с не совсем ясным эпистемологическим статусом, обозначающих промежуточные, переходные явления, типа «мидл-литература», «беллетристика» и т.п. Исходный вопрос был очень прост: что такое «интеллектуальная проза»?

В ходе разработки изложенной выше методологии оказалось возможным не искать имманентные критерии для выделения соответствующего класса литературных произведений, но свести этот вопрос к исследованию значения соответствующего термина обывденного языка. В некотором смысле, социологическое исследование становится в данном случае лингвистическим, с той лишь разницей, что существенные различия в семантическом наполнении соответствующего термина разными группами респондентов получают социологическую интерпретацию.

Так, совершенно очевидно, что для большинства людей в категорию «интеллектуальной прозы» будет попадать положительно оцениваемая литературная продукция, коррелирующая с терминами «высокая литература», «качественная литература», в то же время хочется понимать, в какой мере допустимо ставить знак равенства между этими терминами, т.е. в какой мере они синонимичны (ср. также дихотомию «хорошая литература – плохая литература»: всегда ли «интеллектуальность» это положительный признак?). Это вопрос о семантических признаках и коннотациях понятия, называемого «интеллектуальной прозой». Другой, связанный с предыдущим вопрос, который встал

перед нами: как встроено чтение «интеллектуальной прозы» в жизненный мир читателя, т.е. какие функции оно в нем выполняет и какие поведенческие установки для него характерны⁴ (поскольку, с точки зрения избранной методологии именно это, в конечном счете, и является решающим для отнесения текста к разряду «интеллектуальных», а не его имманентные характеристики)?

Для выяснения ответов на эти вопросы проводилось двухэтапное эмпирическое исследование. Первый этап – анкетирование (N = 120), позволяющее установить корреляции в предпочтениях и выявить наиболее частотные характеристики «интеллектуальной прозы», называемые респондентами (анкета сдержала «вопросы-фильтры», позволяющие «отбраковывать» респондентов, для которых дихотомия «интеллектуальная проза – неинтеллектуальная проза» оказывалось irrelevantным). Второй этап – свободное интервью (N = 11), в ходе которого выявлялись стратегии чтения литературы, определяемой респондентами как «интеллектуальная», способы включения такого чтения в «жизненный мир» читателя. Респондентами в данном случае выступили участники чемпионата по интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?» – молодые люди, мыслящие себя интеллектуалами, для которых релевантность понятия «интеллектуальная проза» и, соответственно, «интеллектуальное чтение» кажется вполне вероятной.

2.2. Результаты анкетирования

Основной задачей проводившегося анкетирования было определение процентного соотношения читателей современной зарубежной «интеллектуальной прозы» с теми, кто предпочитает литературу других жанров: фантастику, фэнтези, детективы, любовные романы и т.д. (при разработке анкеты мы использовали традиционные для отечественных исследований по социологии чтения термины и распространенные жанровые имена, имеющие место в обыденном языке респондентов). Из 120 человек, принявших участие в опросе, таковыми себя назвали 16% респондентов. Что характерно, данный сегмент литературы оказался вторым по популярности (на первом месте – фэнтези, 17%, на 3-м и четвертом месте оказались, соответственно психологический (13%) и шпионский (11%) детективы).

Следующей задачей стало определение социометрических характеристик данной читательской аудитории. Было установлено, что среди любителей интеллектуальной литературы 70% мужчин и 30% женщин, преимущественно от 23 до 30 лет (51%), при этом не младше 16 и не старше 46 лет (для сравнения, у научной фантастики, к примеру, возрастной ценз был гораздо шире: от 15 до 59). Уровень образования

у 63% респондентов соответствует высшему, 21% опрошенных имеет ученую степень, количество студентов составило 15%. В отношении профиля образования самый низкий процент составили люди творческой сферы (живопись, архитектура, театр и др.) – всего 3% (впрочем, этот процент и от общего числа опрошенных был невелик), в отношении других профилей резкого перевеса нет: естественнонаучное образование (физика, химия, биология, медицина и др.) имеют 36%, техническое (инженерия, информационные технологии и др.) – 32%, гуманитарное (психология, философия, филология, история и др.) – 29%.

В одном из вопросов анкеты респондентам⁵ был предложен набор признаков, из которых им нужно было отметить те, которые, по их мнению, в наибольшей мере свойственны интеллектуальной прозе. Из предложенного списка, наиболее частотными оказались следующие позиции: аллегоризм (стремление к иносказательности, 13%); сложная организация повествования (например, от лица нескольких героев, 12%); неоднозначность характеров персонажей (невозможность разделения на положительных и отрицательных, 12 %); психологизм (11%); открытый финал (11%); отсутствие четко выраженной авторской позиции и оценки (10 %). Из неожиданностей на этом этапе отметим лишь низкое значение такого параметра, как «философичность» (лишь 5%).

Также респондентам был предложен намеренно разношерстный список фамилий зарубежных авторов, из которых респондентам нужно было отметить тех, кого они, во-первых, знают (слышали, читали) и, во-вторых, отнесли бы к интеллектуальной литературе. Чаще всего отмечались Умберто Эко (18 упоминаний), Джулиан Барнс (18), Милорад Павич (17), Милан Кундера (17), Бернар Вербер (12), Жозе Сарамаго (12), Харуки Мураками (9), Салман Рушди (8), Кадзуо Исигуро (8). У респондентов также была возможность вписать фамилии авторов интеллектуальной прозы, которые не вошли в предложенный список. Самыми частотными «добавляемыми» авторами стали: Джонатан Сафран Фоер (10 раз), Майкл Каннингем (7), Артуро Перес-Реверте (7), Маргарет Этвуд (5).

Анкетирование оказалось полезным по трем причинам. Во-первых, оказалось возможным выявить социально-демографические характеристики читателей «интеллектуальной литературы»; во-вторых, выявить наиболее общий набор признаков «интеллектуальной прозы»; в-третьих, увидеть различия в оценках отдельных авторов: так, в отдельных анкетах среди авторов-«интеллектуалов» отмечались Мураками, Козльо, Вербер, в других некоторые респонденты зачеркивали эти фамилии, в одной из анкет (студента-филолога) было даже напи-

сано: «Вербер – не интеллектуальная проза». Это показывает, насколько различны представления читателей о том, что является «интеллектуальным», а что таковым не является.

2.3. Результаты интервью.

В интервью приняли участие 12 человек (7 мужчин и 5 женщин), от 22 до 42 лет, с разным профилем и уровнем образования, регулярно играющих в спортивную версию интеллектуальной телевикторины «Что? Где? Когда?». Последний признак стал определяющим для отбора в фокус-группу, поскольку, согласно нашей гипотезе, респонденты могут являться потенциальными адресатами выбранного нами сегмента литературы, при этом не являясь «профессиональными читателями» и (то есть читателями-филологами). В ходе исследования им предлагалось по отдельности устно ответить на 10 основных вопросов, направленных на уточнение их отношения к интеллектуальной литературе. Базовый список вопросов таков:

1. Согласны ли Вы с мнением, что в современной популярной литературе можно провести границу между интеллектуальной литературой и «ширпотребом»?

2. Если да, то на каком основании (по каким признакам) Вы лично отличаете одно от другого?

3. Читаете ли Вы современную интеллектуальную прозу?

4. Если да, то каковы Ваши читательские ожидания от этих текстов (что именно Вы хотите там найти лично для себя)?

5. Случалось ли, что эти ожидания (в случае с конкретными произведениями) не оправдывались? Что было тому причиной?

6. Назовите имена авторов, которых Вы читали и которых считаете авторами интеллектуальной литературы. Что именно у них Вы читали?

7. Какие характеристики, на Ваш взгляд, должны быть свойственны интеллектуальной прозе? (далее предлагался список из нескольких позиций, аналогичный тому, который был использован в анкете)

8. Что бы Вы добавили в этот список, или какие из отмеченных позиций Вы сделали бы определяющими?

9. Согласны ли Вы с мнением, что чтение интеллектуальной литературы не может быть «комфортным» – всегда должно чувствовать-ся «сопротивление материала», для такого чтения нужно прилагать

усилия? (Если возможно, поясните, нужна ли Вам какая-то особая обстановка или настрой на такое чтение.)

10. Развитию каких личностных качеств, на Ваш взгляд, способствует чтение интеллектуальной литературы? Возможно ли говорить и об отрицательном ее влиянии?

Поскольку респонденты отвечали порой довольно пространно, по ходу беседы возникали и другие (как правило уточняющие) вопросы.

Прежде всего, следует отметить, что в ходе интервью нам не удалось выявить семантических различий в употреблении терминов «качественная», «элитарная», «интеллектуальная», «настоящая» литература. В абсолютном большинстве случаев они употреблялись как синонимы, причем даже если вопрос содержал термин «интеллектуальная литература», респондент, отвечая на него, использовал в качестве синонимичных субститутов другие термины, что подталкивает нас к выводу о дихотомическом делении всей литературной продукции, как она представляется нашим респондентам.

Абсолютное большинство респондентов (11 человек) подтвердили, что регулярно читают современную «интеллектуальную» литературу, при этом отделяя ее от «некачественного» массового чтения. Критерии для их разграничения различаются, чаще всего таковыми выступают:

а) литературная репутация отдельных авторов, стороннее мнение, опора на авторитетную, в т.ч. групповую оценку (ср.: *«И так понятно, что Гавальда не лучше Шиловой, и что у Дена Брауна новый роман – очередная профанация какой-нибудь вселенской тайны»*);

б) близость произведения классическим образцам, эстетическая и жанрово-стилистическая консервативность автора (ср.: *«похожа на классику», «в лучших традициях»* и т.п.) – в противоположность текстам, созданным в одном из жанров массовой литературы (ср.: *«в массовой литературе главное – жанровая канва: детектив, триллер, чиклит. Отсюда ее заштампованность – тут же главное попасть в правильный формат, и тогда тебя будут читать»*);

в) субъективные ощущения, возникающие в процессе чтения (ср.: *«и интересно, и чувствуешь, что внутри тебя какая-то работа идет»*);

При этом анализ интервью показывает, что все респонденты более или менее явно делятся на две группы: а) те, для кого разделение на «массовое» и «качественное», «интеллектуальное» является субъективным и связано с собственной (или групповой) оценкой (для таких ре-

спондентов наиболее релевантным оказывается третий критерий; ср.: *«качественная литература – та, где у автора есть свой самобытный стиль, где сам сюжет стремится к оригинальности, и не важно, детектив это или исторический роман. Если я вижу, что для меня это хоть в какой-то степени ново, я считаю это качественной литературой»*); б) те, для кого эта граница является объективной и кто, следовательно, воспринимает эту дихотомию как квазиестественную. В последнем случае респонденты стараются указывать объективные характеристики текстов, в т.ч. выделяют особую разновидность псевдоинтеллектуальной литературы, которая «маскируется» под интеллектуальную, но «в действительности» является «массовой», ср.: *«“Массовую” от “интеллектуальной” отличаю по степени авторской самобытности, как ни смешно звучит. То есть, если, когда я читаю текст, я понимаю, что вот это было сто раз сказано, и куда лучше сказано, эта проблема была сто раз поднята в этом же самом ракурсе, вот этот образ уже навяз на зубах, то, скорее всего, я имею дело с массовой литературой, даже если она маскируется под интеллектуальную, как “Код да Винчи” или опусы Козьмо». В этом случае также возникает дополнительный «этологический» критерий – способность текста читаться с интересом несколько раз: массовая литература именуется в этом случае «одноразовой», «пустой», тогда как к «качественной» читатель готов обращаться не раз (ср.: *«Качественную и некачественную можно отличить просто тем, вернешься перечитывать или нет»*; *«Иногда это понятно при первом прочтении – просто книга не содержит ничего нового, фактически она была донесена до тебя раньше, другими произведениями. Иногда при первом чтении кажется круто, но потом, позже, в качестве послевкусия приходит понимание, что это не более чем обертка, под которой ничего нет»*).*

Интересно, что вторая группа респондентов (воспринимающих дихотомию «массовое – интеллектуальное» как объективную) количественно значительно больше, что, по всей видимости, объясняется особым рода «языковой комфортностью» респондентов: presupпозиция обыденного языка предполагает, что все имеющее название существует в действительности. В некотором смысле, «массовую» и «интеллектуальную» литературы создают соответствующие слова языка. Еще более реальным, объективным это различие оказывается, вероятно, потому что реализуется в конкретных социальных практиках (покупка книги, чтение, обсуждение и проч.), т.е. определяет код поведения субъекта. Отсюда можно думать, что стремление «объективировать» интересующую нас границу косвенно свидетельствует об актуальности этого различия в конкретных социальных практиках респондентов.

Одним из важных признаков «интеллектуальной» литературы во- семь респондентов назвали новизну и познавательность (ср.: *«хочется открыть для себя что-то новое»; «Жду какого-то сильного впечатления, эффекта»*). В то же время, в ряде случаев этот, казалось бы, «субъективистский» критерий также связан с «объективистской» установкой. В частности, трое респондентов высказали мнение, что требование новизны и оригинальности для качественной литературы не соотносится с постмодернистской парадигмой «письма-игры». Причина в том, что многие постмодернистские стратегии и приемы, по мнению читателей, уже «возведены в шаблон», т.е. приобрели признаки, объективно соответствующие массовой литературе (ср.: *«То, что должно было когда-то удивлять, уже стало опять-таки шаблоном: с первого взгляда уже понятно, что история, в которой нет фантастики, или нет "наворотов" там, загадок, которая начинается обычно, обязательно потом "вывернется наизнанку" или окажется, что ее совсем не было. Или рассказчик – сумасшедший. Сколько уже таких книжечек!»*).

В целом, «шаблонность» массовой литературы делает ее, в некотором смысле, более реальной разновидностью произведений: субъективная реальность массовой литературы, а также критериев «массовости» представляется более отчетливой в сознании наших респондентов. Они часто определяют массовое через жанр, имя автора, объективные текстовые признаки. Второй элемент этой дихотомии – «интеллектуальная литература» – гораздо хуже поддается определению. В этом смысле обсуждавшаяся выше «субъективность» или «объективность» дихотомии в определенной степени зависит от того, как она выстраивается. Объективизму соответствует позитивное определение «массовой» литературы и негативное определение «интеллектуальной литературы» как «немассовой» (т.е. нешаблонной, не имеющей тех или иных особенностей в построении сюжета, не принадлежащей тому или иному жанру и проч.). Субъективизму соответствует негативное определение «массового» как «неинтеллектуального», при этом респондент стремится дать положительное определение «интеллектуальной» литературе, описывая субъективные переживания от чтения «качественного» произведения.

Интересно, что часто в качестве признака «интеллектуальной прозы» называется установка на увлекательность: текст должен быть интересным, должен захватывать. Однако в пяти случаях респонденты отказывали в этом «интеллектуальной литературе» (ср.: *«Нужно, чтобы ощущалось, что ты именно читаешь, и это отдельная деятельность. Читаешь, чтобы читать, а не чтобы убить время»*). Ин-

интересно, что формирование книгой познавательного интереса (отмеченное тремя респондентами) дополнялось тезисом о принципиальной неутилитарности, «бесполезности» такого чтения (ср.: *«Дело в том, что всем не хочется считаться "поглощающими ширпотреб"». Поэтому делают акцент на том, какую пользу им книга приносит (практическую). Ну, типа там: я прочитал Мураками и теперь стал лучше понимать восточную культуру, я прочитал "Чайку по имени..." и понял, что надо верить в свои силы и т. д. <...> А ведь от качественной (пусть интеллектуальной) прозы какой-то измеримой "пользы" бывает немного: оттого, что когда читаешь, всегда стремишься ведь понять "к чему это все", а здесь ты не получаешь ответы, получаешь только еще больше вопросов. А вопросы эти вообще могут быть неразрешимыми»*).

В описании особенностей читательской ситуации в случае с «интеллектуальной литературой» мнения респондентов распределились практически поровну: шестеро считают, что для чтения подобных текстов нужен особый настрой, собранность и что такое чтение по определению не может быть «комфортным», поскольку погружение во внутренний мир художественного произведения интеллектуальной литературы требует полного внимания, отрешенности от повседневных забот, а также зачастую ведет к слову сложившихся представлений читателя о мире и о себе (ср.: *«Такие книги ломают шаблоны в голове, а это а priori некомфортно»*). С другой стороны, пятеро опрошенных заявили, что откажутся от чтения в том случае, если текст не соответствует их настроению, внутреннему состоянию и доставляет психологический дискомфорт (*«Если какая-то книга некомфортна, я ее брошу и дождусь, пока по ней кино снимут»*; *«Если это, скажем, слишком физиологично или отвратительно, то лично я не могу, лучше перелистаю»*). Эти расхождения в оценках представляются нам наиболее интересными, поскольку они означают, что чтение подчиняется разным акциональным кодам и выстраивается по разным моделям.

Наконец, в отношении того, каким может быть влияние подобных текстов на читателя, помимо расширения кругозора и эрудиции, наиболее частотным (4 упоминания) оказалось мнение о том, что интеллектуальная литература способствует развитию толерантности, гибкости ума и способности принимать иной взгляд на вещи (ср.: *«такая литература развивает способность чувствовать вкус к разным текстам, воспринимать совершенно разные эстетические системы. Грубо говоря, как человек, который учится быть сомелье, пробует разные вина и приобретает более тонкий вкус и способность радоваться разным винным вкусам. Ну и еще чтение этой самой литера-*

туры способствует социализации в современном обществе. Там понимаются всякие актуальные проблемы, которых раньше не возникало на страницах книг. Ну те же гомосексуальные отношения в другом ракурсе подаются, без оттенка запретности»). Психологические «риски» такого чтения, по мнению опрошенных, также оказываются связаны со способностью интеллектуальной литературы ломать устоявшуюся систему представлений, становясь угрозой целостности личности, а также с тем, что погружение в текст может быть связано с утратой ощущения реальности («Ты границы себя теряешь, когда читаешь такое, начинаешь во всем сомневаться»; «Возможно, что-то в книге тебя поразило так сильно, что ты сделал какие-то радикальные вещи в реальной жизни. То есть ты стал свою “реальную” жизнь подгонять под “книжный мир”»).

Необходимо отметить специфический набор признаков «интеллектуальной прозы», который сформировался по результатам интервью и который существенно отличается от набора, полученного в результате анкетирования. Чаще всего назывались неоднозначность характеров героев (8 упоминаний); психологизм (7); отсутствие выраженной авторской позиции/оценки (7); остросюжетность (5); сложная организация повествования (5); аллюзии на другие литературные тексты (5). Появление остросюжетности объясняется установкой на увлекательность чтения, которая, по мнению некоторых респондентов, не только не противоречит качественной литературе, но и предполагается ею. Признак «аллюзивности», «интертекстуальности», напротив, назывался респондентами, отмечавшими, что для чтения интеллектуальной литературы характерна «рабочая установка».

3. Выводы

Полученные в ходе интервью ответы позволяют реконструировать две обобщенные модели чтения «интеллектуальной» литературы, вполне вероятно соответствующие двум практическим установкам в отношении «интеллектуальной» работы и «интеллектуального» досуга.

Первая модель (назовем ее «эмансипированной») предполагает чтение «некомфортное», несущее психологические риски утраты самоидентичности. Рецепция литературного произведения описывается как внутренняя работа, связанная с необходимостью «переработки» текста и, возможно, последующей трансформацией собственных установок в отношении мира и себя. В этом случае при описании признаков текстов упор делается на семантический «герметизм» произведения, его

сложную формальную организацию, интертекстуальность. Респонденты, реализующие эту модель чтения, при определении «интеллектуальной» литературы стремятся описывать психологические эффекты чтения, понимая «массовую» литературу как литературу, не имеющую подобных эффектов. В социально-психологическом смысле такая стратегия связана с ориентацией на субъективацию дихотомии «интеллектуальное – массовое»: отнесение текста к тому или иному классу происходит в зависимости от его индивидуального воздействия на читателя. В то же время, такая позиция в некотором смысле невротична: заявляя ее, субъект прежде всего стремится продемонстрировать – себе и другим – собственную независимость от мнения большинства. Интеллектуальное чтение является здесь, в определенном смысле, актом самоутверждения, самоконституирования. Даже если оно потенциально и предполагает те или иные внутренние трансформации, сама возможность подобных трансформаций под воздействием литературного текста (а возможность эта немыслима без внутренней готовности к таким трансформациям) воспринимается респондентами как результат подлинной интеллектуальной работы. Обратим внимание и на то, что для таких респондентов, в целом, не очень характерна фиксация на эстетическом качестве произведения, существеннее те смыслы которые они извлекают из текста (оправданно или нет – не имеет значения). Естественно ожидать от таких читателей повышенную психоэмоциональную восприимчивость к чтению, а также ориентацию на поддержку «эмансипированной» стратегии чтения определенным типом поведения, в т.ч. не связанного с чтением (общение, социальные контакты, участие в групповых видах деятельности, степень эмоциональной интеграции в группе и проч.).

Вторая модель (условно назовем ее «конформной») предполагает, что чтение даже интеллектуальной литературы является «комфортным», «приятным» занятием, в целом не предполагающим внутренних трансформаций. Такое чтение неутилитарно, ничему не учит и никак не меняет субъекта, «интеллектуальность» же определяет своего рода игровой характер познавательного интереса к чтению: для такой установки характерно своего рода «соперничество» с автором, стремление еще в самом начале чтения предугадать замысел («мораль»), знание повествовательных шаблонов, понимание логики построения действия. Произведение тем «интеллектуальнее», чем оно более неожиданно или чем меньше оно подчинено правилам игры («классика»), которые в той или иной мере все равно известны читателю. Такая модель чтения коррелирует с установкой на объективацию дихотомии «массовое – интеллектуальное», а также с умением определять массовое (код, правила игры; «интеллектуальное» же определяется ex

negativo). При этом в оценках такие респонденты чаще опираются на жанровые характеристики произведений, репутацию писателя, т.е., в сущности, транслируют групповую оценку. Вместо установки на психологизацию и индивидуализацию «общения» с книгой, демонстрирующую независимость оценок, здесь мы имеем дело с конформностью оценки, вытекающей из «вводных данных» (имя автора, жанр, стороннее мнение и проч.), заранее определяющих возможность или невозможность такого «игрового» чтения. Естественно ожидать от таких читателей активный обмен мнениями, участие в различных читательских сообществах, а также установку на априорное дистанцирование от любой попытки текста воздействовать на читателя (поучительность, навязывание определенной модели мира, человека и проч.): такой читатель, так сказать, «толстокож» и в общем случае не стремится рассматривать литературное произведение как предписание или источник внутренних преобразований.

Эти две модели чтения, разумеется, являются лишь крайними точками шкалы, большинство читателей, скорее всего, занимают то или иное промежуточное положение. Однако эту поляризацию, как нам представляется, полезно учитывать при изучении этоса чтения. За этими моделями, очевидно, скрываются не только различные психологические императивы чтения, но и социальные практики – предпочтения разных групп авторов и, шире, разновидностей литературы⁶; разный уровень зависимости от групповых оценок, а значит, и вариативность степени и форм участия в разнообразных читательских группах и сообществах; различные типичные ситуации чтения и проч. Думается, в дальнейшем анализ моделей чтения может быть дополнен более глубоким изучением этих «этологических» параметров.

¹ К сожалению, крупных работ по феноменологической социологии литературы почти нет (отметим, разве что, книгу Мери Роджерс о социальной феноменологии романа [Rogers]), поэтому данный теоретический обзор является скорее предварительным наброском социально-феноменологической теории литературы и связанных с ней социальных практик, нежели обобщением уже полученных в этой области результатов.

² А. Щюц, в действительности, допускал относительную некогерентность «жизненного мира». По его мысли, «знание, которым обладает человек, мыслящий и действующий в пределах жизненного мира своей повседневности, не является гомогенным», т.е. его знания о разных областях «жизненного мира» не обязаны быть до конца связаны между собой: субъект не всегда видит между ними связь, поскольку обычный

человек в принципе не очень озабочен ясностью и когерентностью своего знания о повседневной реальности. Его рефлексия глубока лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы успешно совершать повседневные, обыденные действия [Schutz, с. 75-76].

³ Эти методологические aberrации довольно частотны в социологических опросах, посвященных практике чтения, и являются очевидной ошибкой проектирования анкеты (см. [Добреньков, Кравченко, с. 359-360]). Вместе с тем, они составляют интересный феномен, поскольку свидетельствуют о том, что исследователь (как правило, все же не литературовед, а социолог, не знакомый с терминологией науки о литературе), так некритически используя эти термины, занимает по отношению к обозначаемым ими фрагментам повседневной реальности наивную «естественную установку», в соответствии с которой «жизненный мир» является пространством, где я сосуществую с другими и где «важнее всего то, что я знаю, что существует постоянное соответствие между моими значениями и их значениями в этом мире, что у нас есть общее понимание этой реальности» [Бергер, Лукман, с. 44]. Ср. в связи с этим известное рассуждение Бурдьё о языке социологии [Бурдьё, с. 125-129].

⁴ Характер интеграции чтения в «жизненный мир» читателя, в т.ч. актуализация чтения в различных «ситуациях чтения», также именуется нами «моделью чтения». Понятия «ситуация чтения», «модель чтения», «функции чтения» вводятся в работе [Ессяк, Спиридонов].

⁵ Далее учитываются только респонденты, отметившие среди своих предпочтений интеллектуальную прозу.

⁶ Эти различия заметны уже на этапе проведенного интервью, однако в силу незначительного количества респондентов эти выводы не кажутся нам достаточно репрезентативными, чтобы обсуждать их здесь.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
2. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования: Учебник. М.: Инфра-М, 2006.
3. Ессяк Е. С., Спиридонов Д. В. Функции, стратегии и модели чтения: к методологии эмпирического изучения рецепции массовой литературы // Массовая зарубежная литература: инокультурный текст в рецептивном аспекте: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2012. С. 46-62.

4. *Иванов Д. В.* Парадигмы в социологии: Учеб. пособ. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
5. *Смирнова Н. М.* Феноменология естественной установки А. Щюца // Социологические исследования. 1995, №2. С. 136-139.
6. *Спиридонов Д. В.* Нарратив массовой литературы в пространстве повседневности: диегесис как мимесис // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011, №4. Т.1: Филология. С. 54-63.
7. *Bourdieu P.* La distinction: Critique sociale du jugement. Paris: Edition de Minuit, 1979.
8. *Rogers M. F.* Novels, Novelists, and Readers: Toward a Phenomenological Sociology of Literature. Albany: State University of New York Press, 1991.
9. *Schutz A.* On Phenomenology and Social Relations: Selected Writings. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1970.